

50 лет со дня основания Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ

Е. Ю. БАСАРГИНА

ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: АКАДЕМИК ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ НИКИТИН И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ

Деятельность великого князя Константина Константиновича (1858–1915)¹ и Петра Васильевича Никитина (1849–1916)² в Императорской Академии наук почти целиком совпали по времени: П. В. Никитин вступил в академическую корпорацию в 1888 г., за год до назначения великого князя президентом, и пережил его на один год.

Вел. кн. Константин Константинович был внуком Николая I и сыном вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892), который принадлежал к числу героических фигур эпохи великих реформ Александра II. С первых лет царствования Александра II он стал его ревностным сподвижником в проведении крестьянской реформы и занимал ключевые посты в Главном комитете по подготовке крестьянской реформы, Морском министерстве и Государственном совете. За пылкость и несдержанность характера его прозвали «паровиком». Эта меткая характеристика одновременно напоминала о том, что именно ему Россия была обязана заменой парусного флота паровым. Конец александровской эпохи привел к отстранению Константина Николаевича от всех должностей, и последние годы своей жизни, в царствование Александра III, он провел вдали от государственных дел.

Константин Николаевич был европейски образованным человеком, питал глубокое уважение к науке и покровительствовал ученым, будучи председа-

¹ *Нелюбин Г. К. Р. Критико-биографический этюд.* СПб., 1902; Сборник памяти великого князя Константина Константиновича поэта К.Р. // Издание Совета общекадетских объединений за рубежом / Ред. А. А. Геринг. Париж, 1962; *Соболев В. С. Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы.* СПб., 1993; *Великий князь Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб. — Дюссельдорф, 1993; *Кузьмина Л. И. Августейший поэт. К.Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество.* СПб., 1995; *К.Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Материалы и публикации Э. Матониной.* М., 1998. С. 12; *К.Р. Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина.* СПб., 1999; *Вострышев М. И. Августейшее семейство. Россия глазами великого князя Константина Константиновича.* М., 2001.

² Памяти Петра Васильевича Никитина. Сообщения Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева, Г. Ф. Церетели и др., доложенные в заседании Отдела археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской Императорского Археологического общества 22 сентября 1916 г. Петроград, 1916; *Латышев В. В. Памяти Петра Васильевича Никитина.* Речь, произнесенная академиком В. В. Латышевым на Общем собрании 9 мая 1916 г. // Известия Императорской Академии наук. VI серия. Петроград, 1916. N 12. С. 921–936; *Жебелев С. А. П. В. Никитин (некролог) // ЖМНП. Новая серия.* 1916. N 8. С. 43–71; *Иодко О. В. П. В. Никитин и его вклад в византинистику (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Ред. И. П. Медведев.* С. 131–171.

лем Русского географического и Русского археологического обществ. Среди его знакомых было много известных писателей, ученых, музыкантов. Даже такое ведомственное издание, как «Морской сборник», превратилось при нем в один из самых известных журналов, где печатали свои произведения А. Н. Островский, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, В. И. Даль. В 1882 г., когда Константин Николаевич был не у дел и жил в Париже, академики обратились к нему с просьбой взять на себя руководство Академией наук, но он отказался, потому что не хотел быть ее заочным председателем.

Преданный морскому делу, отец предназначал своих сыновей для службы на флоте, но его второй сын Константин Константинович не унаследовал от отца любви к морю. В 1882 г. он оставил флот и поступил в Измайловский полк, где стал неперменным участником измайловских досугов своеобразного литературно-просветительного клуба. В 1900 г. он получил назначение начальника военно-учебных заведений, исколесил всю Россию в поездках по кадетским корпусам и своей заботой о юных воспитанниках заслужил репутацию «отца всех кадет». В 1907 г. Константин Константинович был произведен в чин генерала от инфантерии и в 1910 г. стал генерал-инспектором военно-учебных заведений.

Большого роста, с русой бородкой и очень красивыми руками, с кольцами на длинных пальцах, Константин Константинович перед строем был очень элегантен и красиво сидел на лошади. Каждый новобранец по традиции получал от него в подарок именной экземпляр Евангелия, на первой странице которого было напечатано факсимиле стихотворения с подписью *К.Р.*:

Пусть эта книга священная,
Спутница нам неизменная
Будет везде и всегда
В годы борьбы и труда.

От своего великого отца Константин Константинович не унаследовал политического таланта, хотя и мечтал совершить что-нибудь значительное на государственном поприще. В конце 1890-х гг. его шансы на участие в государственных делах были высоки и даже ходили упорные слухи о его назначении то министром народного просвещения, то обер-прокурором Св. Синода. Однако ни одно из этих назначений не состоялось. Константин Константинович переживал, что им «не хотят пользоваться», но в глубине души сознавал, что у него другое предназначение.

Константин Константинович считал своим истинным призванием поэзию и в историю русской культуры вошел прежде всего как поэт, печатавший свои стихотворения под криптонимом *К.Р.* В своем творчестве он следовал образцам «чистого искусства», боготворил А. А. Фета и преклонялся перед творчеством А. Н. Майкова и Я. П. Полонского. Начинаящий поэт *К.Р.* вступил с ними в переписку, почтительно прислушивался к их мнению и исправлял свои стихи по их замечаниям³. Дружил он и с П. И. Чайковским, который, зная о глубокой религиозности великого князя, подал ему мысль написать драма-

³ *К.Р.* Избранная переписка... СПб., 1999.

Великий князь
Константин Константинович
(1858–1915)

тическое произведение на евангельский сюжет. Константин Константинович последовал совету Чайковского и написал драму «Царь Иудейский», она стала вершиной его творчества. Искусный переводчик, он оставил переводы «Мессинской невесты» Шиллера, «Гамлета» Шекспира, «Ифигении в Тавриде» Гете. Константин Константинович выступил в роли Гамлета и Иосифа Аримафейского на придворной сцене, обнаружив, по отзывам современников, несомненное актерское дарование.

Разнообразные художественные таланты Константина Константиновича сыграли, несомненно, решающую роль при его назначении в 1889 г., в возрасте тридцати лет, на должность президента Императорской Академии наук, освободившуюся после смерти Д. А. Толстого.

В отличие от своего отца, который в свое время отказался от руководства Академией наук, Константин Константинович сразу же согласился возглавить главное научное учреждение страны. Новое назначение состоялось 3 мая 1889 г. и очень польстило самолюбию великого князя; он чувствовал себя героем дня и не мог опомниться от выпавшей на его долю чести ⁴.

9 марта Константин Константинович пригласил академиков к себе в Мраморный дворец и приветствовал их словами: «Назначение меня президентом ставит меня в столь близкие отношения к вам, труженикам и представителям русской науки. Но я надеюсь, что вы будете снисходительными к моей некомпетентности. Не имея ни ваших познаний, ни заслуг, я не могу принести Академии ничего, кроме моего горячего рвения, неустанного усердия и искренней задушевной любви. Нужды Императорской Академии наук и ее члены будут отныне самой первой моей заботой» ⁵.

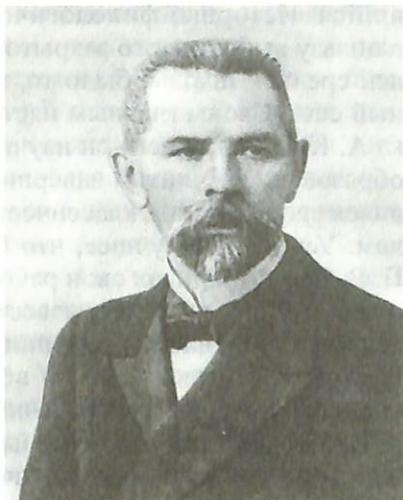
Академики тоже были довольны новым президентом. Константин Константинович имел репутацию либерального члена императорской фамилии и в глазах просвещенной части русского общества пользовался высоким авторитетом. В 1887 г., за два года до назначения президентом, Академия наук избрала его своим почетным членом по представлению Отделения русского языка и словесности (ОРЯС), сами академики его кратко называли Русским отделением. Константину Константиновичу импонировали царившие на заседаниях ОРЯС непринужденность и простота. Став президентом, он часто посещал заседания Отделения и принимал участие в обсуждении «Словаря рус-

⁴ Кузьмина Л. И. Августейший поэт... С. 105.

⁵ Дневник вел. кн. Константина Константиновича // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 8.

ского языка», где дело доходило до определений такого рода: «допитаться — пить до каких-либо неприятных последствий»⁶. Среди членов Отделения были и его добрые знакомые: председательствующий в Отделении на правах старейшего академика Я. К. Грот и брат поэтического кумира К. Р. Аполлона Майкова — Л. Н. Майков.

Когда через несколько месяцев после назначения Константина Константиновича в отставку попросился 85-летний вице-президент В. Я. Буняковский, президент не стал его удерживать и без труда уговорил Я. К. Грота занять эту должность⁷. После смерти Грота, в 1893 г., Константин Константинович, не раздумывая, назначил вице-президентом Л. Н. Майкова. В 1900 г., после смерти Майкова, он впервые встал перед проблемой выбора. Константин Константи-

*Петр Васильевич Никитин
(1849–1916)*

нович отдавал предпочтение барону В. Р. Розену (знаменитому арабисту), но тот отказался и порекомендовал князю своего коллегу по университету П. В. Никитина, на нем президент и остановил свой выбор⁸.

Петр Васильевич Никитин вступил в состав Академии наук в 1888 г. адъюнктом по кафедре классической филологии и археологии; в 1892 г. он был избран экстраординарным, в 1898 г. — ординарным академиком. Никитин был известен как первоклассный исследователь древнегреческой и византийской литературы, отличавшийся необыкновенной эрудицией и критической пронизательностью в толковании древних текстов. Филологическая акрибия проявилась в его трудах в полной степени. Горячий поклонник таланта и остроумия Никитина Ф. Ф. Соколов нередко восторженно говорил о своем товарище по университету: «Наш-то Петр Васильевич», — и указывал на какую-нибудь из его блестящих догадок к текстам древних писателей или вспоминал какое-нибудь его остроумное изречение.

П. В. Никитин родился в г. Устюжне Новгородской губернии в семье священника и получил начальное и среднее образование в духовной школе, завершив его (после перевода отца на службу в С.-Петербург) в Петербургской духовной семинарии в 1867 г. Имея склонность к естественным наукам, Никитин уступил настойчивым уговорам родителей поступить в только что открыв-

⁶ К.Р. Избранная переписка... С. 489.

⁷ В начале 1890 г. наступил конец и 34-летнему господству К. С. Веселовского, самого «непременного» секретаря Академии, при котором сменились три президента — Д. Н. Блудов, Ф. П. Литке, Д. А. Толстой. После ухода Веселовского обязанности непременного секретаря исполняли А. А. Штраух (1890–1893), Н. Ф. Дубровин (1893–1904) и С. Ф. Ольденбург (1904–1929).

⁸ Дневник вел. кн. Константина Константиновича // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 47. Л. 37. Запись 14.04.1900.

шийся Историко-филологический институт. Существенным аргументом в пользу выбора этого закрытого учебного заведения, которое готовило учителей средней школы, было то, что воспитанники содержались в нем на казенный счет. Своим главным наставником в институте Никитин считал академика А. К. Наука, у него он научился мастерству филологической критики. Свое образование Никитин завершил в Лейпцигском университете, который славился своей школой классической филологии во главе с профессором Фр. Ричлем. Усвоив все лучшее, что было создано западной наукой в этой области, П. В. Никитин писал свои работы только по-русски (редко по-латыни), мирясь с тем, что они не станут известны зарубежным коллегам. Это была спокойная твердость человека, уверенного в своих знаниях. Ученый аристократизм Никитина проявлялся также и в том, что он никогда не искал признания своих ученых заслуг в виде каких-либо почетных дипломов иностранных обществ.

Преподавательская деятельность П. В. Никитина протекала сначала в Нежинском историко-филологическом институте, а затем в Санкт-Петербургском университете, где он был профессором, с 1890 г. по 1897 г. — ректором, а с 1897 г. по 1900 г. — деканом историко-филологического факультета.

К своим профессорским и ректорским обязанностям Никитин относился неизменно строго. Его лекции, как всякая серьезная наука, были трудны для восприятия, но те немногие, кто прошел его школу, как правило, становились настоящими учеными. П. В. Никитина называли своим учителем М. И. Ростовцев, С. А. Жебелев, А. В. Васильев, Ф. И. Шмит и др. Свои лекции Никитин всегда читал стоя и, по словам Жебелева, непременно обращался к слушателям: «Милостивые государи», даже если этих «государей» на специальных курсах было всего-навсего двое. При всей своей серьезности Никитин любил оживлять лекции остротами в английском духе, сохраняя при этом полную невозмутимость. Студенты побаивались его, и особенно боялись его «острого» языка, а за удивительную скромность и даже застенчивость нередко называли его «красной девицей»⁹.

«Аттическая соль» была свойственна характеру Никитина и порой едко щипала того, кому она была адресована. На одном из заседаний Русского археологического общества Никитин заметил по поводу указания докладчика о том, что стиль одного византийского писателя имеет сходство со стилем Афиней (ок. 200 г. н.э., автора известной компиляции из античных авторов): «Это все равно, как если бы сказать, что стиль какого-либо русского писателя напоминает стиль хрестоматии Галахова»¹⁰. Однажды Никитин вспомнил незадачливого автора, который, рассуждая о достоинствах акрибии, именно в этом греческом слове, означающем «величайшую точность», «тщательность», «основательность», и сделал ошибку в ударении. По этому поводу Никитин написал В. Р. Розену: «Акрибия — госпожа капризная, и особенно для русского человека ехидная»¹¹.

⁹ Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний // *Анналы*. 1922. N 2. С. 168–187.

¹⁰ Жебелев С. А. П. В. Никитин (некролог) // *ЖМНП*. Новая серия. 1916. № 8. С. 64.

¹¹ Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 27.06.1894. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее СПФА РАН). Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 1.

П. В. Никитин был блестящим переводчиком классических писателей. Переводил он настолько хорошо, что его с восторгом слушали все студенты филологического факультета. Будучи неизменно строгим к себе, Никитин был требователен к другим. В 1894 г. И. Анненский опубликовал свой перевод трагедии Еврипида «Вакханки» и на следующий год представил его на соискание премии имени А. С. Пушкина. Академическая комиссия по присуждению премии, в деятельности которой самое активное участие принимал и Константин Константинович, поручила Никитину разбор работы Анненского.

Никитин подверг перевод суровой критике и указал в своем отзыве, что переводчик допускает значительные отступления от подлинника, не признает стилистических ограничений и пользуется выражениями, которые не свойственны трагическому стиху¹². Например, Агава у Анненского хвастается тем, что она «от станка шагнула» и теперь руками расправляется с дикими зверями (ст. 1308). «Сильно мне сдается, — комментирует Никитин перевод этого стиха, — что для этого “шагнула” аналогии найдутся не в стихотворной речи какого-нибудь из русских классиков, а в жаргоне мелкого чиновника, мечтающего о том, как хорошо было бы шагнуть из титулярных прямо в действительные статские»¹³.

Анненский не получил премии и был раздражен критикой Никитина, хотя и признал ее основательность, а в последние годы своей жизни хотел подвергнуть свой перевод коренной переработке. Однако он не успел осуществить свое намерение, и после его смерти Ф. Ф. Зелинский как редактор издания «Театр Еврипида» переделал перевод Анненского с учетом замечаний Никитина: в 1916 г. трагедия «Вакханки» предстала перед читателем в обновленном виде¹⁴.

Однажды П. В. Никитин попробовал выступить в роли литературного советника К.Р. В 1910 г. Константин Константинович сделал поэтический перевод новонайденной греческой эпиграммы и разрешил опубликовать его в статье М. И. Ростовцева и В. В. Шкорпила, посвященной этой находке¹⁵. Эпиграмма была написана на надгробном памятнике Гликாரии от имени страдающего от жажды путника, который проходил мимо могилы, увидел возле нее фонтан родниковой воды и, утолив жажду, выразил свои чувства в изящном четверостишии, которое в переводе К.Р. звучало так:

Здесь, о Гликாரия, здесь, о супруга Асандра, испил я
Из родника твоего влаги студеной с вином;

Жажду свою утолив, я промолвил: при жизни и в смерти
Всем, кто беду потерпел, ты избавленье даришь.

¹² Об 11 присуждении премии имени А. С. Пушкина в 1895 г. // СПФА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 12; Разбор книги И. Анненского «Вакханки. Трагедия Еврипида. СПб., 1894» // Там же. Л. 22–44 об.

¹³ Там же. Л. 36.

¹⁴ Зелинский Ф. Ф. Предисловие редактора // Театр Еврипида / Перевод со введениями и послесловиями И. Ф. Анненского под редакцией и с комментариями Ф. Ф. Зелинского. М., 1916. Т. I. С. VII–VIII.

¹⁵ Шкорпил В. В., Ростовцев М. И. Эпиграмма из Эль-Тегеня (с 3 снимками) // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1910. Вып. 37. С. 14–22.

П. В. Никитин предложил на суд К.Р. свой вариант перевода последних двух строк:

Жажду свою утолив, я сказал: и живя, и по смерти
 Всем, кто нуждается, ты благодеянья творишь¹⁶.

Перевод Никитина делал несколько яснее мысль подлинника, но грешил против поэтического благозвучия. Наверное, поэтому К.Р. не воспользовался им и оставил свой перевод в первоизданном виде, хотя обычно Константин Константинович беспрекословно следовал советам Никитина. Неоднократно прибегал он к помощи Петра Васильевича, когда готовил свой перевод «Ифигении в Тавриде» Гете. Вопросы Константина Константиновича касались главным образом способов передачи греческих имен. Никитин предложил ему по возможности устранить из перевода свойственные Гете латинизмы, которые состояли в употреблении латинских имен вместо греческих, и вернуться к чистоте греческих форм. По мнению Никитина, замена греческих имен латинскими — такая же несообразность, какую допустил бы тот, кто, изображая быт русских православных крестьян, заставил бы их призывать в молитвах святого Франциска¹⁷. Константин Константинович придерживался в своей работе указаний Никитина и помимо общих слов благодарности своему научному консультанту в послесловии к своей работе постоянно ссылался на авторитет Никитина в примечаниях¹⁸.

Первое близкое знакомство Константина Константиновича с П. В. Никитиным произошло вскоре после того, как 12 июля 1900 г. тот был назначен вице-президентом. В это время бурно обсуждался вопрос о пересмотре Устава Академии наук, утвержденного Николаем I в 1836 г. П. В. Никитин *ex officio* возглавил соответствующую комиссию и убедил ее в том, что следует оставить действующий устав, ограничившись изменением некоторых устаревших параграфов. На полях доклада, составленного Никитиным, сохранилась карандашная помета Константина Константиновича: «Совершенно с этим согласен»¹⁹. Президент убедился в том, что не ошибся в выборе своего ближайшего помощника и оценил главное свойство его личности, которое С. А. Жебелев определил емким греческим понятием *софросионе* — здравомыслие²⁰.

П. В. Никитин очень скромно оценивал свою роль в должности вице-президента и не раз, усмехаясь, говорил, что в Академии наук он в основном занимается заготовкой дров и осматривает зубы лошадей, имея в виду свои повседневные заботы в Правлении Академии. Никитин вел деловую переписку с разными ведомствами по вопросам академической жизни. Составленные им доклады и записки поражают строгой логикой и убедительностью доводов, даже когда приходилось, по его словам, «умилительно-убедительными пред-

¹⁶ Письмо П. В. Никитина вел. кн. Константину Константиновичу от 15.04.1910 г. // СПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. Л. 18–19.

¹⁷ СПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. Л. 78.

¹⁸ К.Р. Перевод драмы Гете «Ифигения в Тавриде» // К.Р. Стихотворения. 1901–1910. СПб., 1911. С. 421, 423, 474 et passim.

¹⁹ СПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 286. Л. 18.

²⁰ Жебелев С. А. П. В. Никитин (некролог)... С. 43.

ставлениями доказывать безусловную необходимость новых и новых подачек для Академии»²¹.

Едва ли не главную обязанность вице-президента составляли хозяйственные дела, которые порой могли стать причиной драматических коллизий. В 1904 г. члены Правления академики И. П. Бородин и К. Г. Залеман в отсутствие Никитина осмотрели крышу Этнографического музея и признали необходимость ее срочного ремонта. Более тщательный осмотр крыши с участием Никитина показал, что она может еще послужить. Константин Константинович, узнав о колебаниях Правления, выразил недоверие относительно компетентности академиков в кровельном деле и потребовал экспертизы специалистов. Благополучие крыши сразу отступило для Никитина на второй план: более всего он опасался того, что высказанное академиком недоверие заставит их впредь быть равнодушными и безучастными исполнителями обязанностей членов Правления. А это, по его мнению, было бы большим вредом для Академии, чем какие-либо изъяны на крыше Этнографического музея²².

Служение «мамоне чиновничества», по словам Никитина, отнимало у него много времени и отвлекало от научной работы. Он признавался, что для него занятия какой-нибудь греческой рукописью были «милее всех дел и всего почета вице-президентства»²³. Только обостренное чувство долга не позволило ему оставить свою должность, и в тяжелое для страны время, 1900–1916 гг., здравый смысл и строгая беспристрастность вице-президента не раз удерживали Академию наук от нежелательных потрясений.

* * *

Константин Константинович, напротив, был полон честолюбивых замыслов (как, впрочем, и благих намерений). С его именем в Академии наук было связано немало добрых дел и начинаний. Самый светлый и плодотворный период его деятельности пришелся на первое десятилетие его президентства, предшествующее вступлению П. В. Никитина в должность вице-президента. Константин Константинович постоянно заботился об укреплении материального положения Академии, а правительство, желая поддержать нового президента, шло навстречу интересам Академии наук и удовлетворяло ее просьбы об увеличении финансирования. Крупным событием стало утверждение в 1893 г. нового финансирования, согласно которому значительно увеличилось жалованье академиков и адъюнктов. В 1912 г. вновь были существенно повышены академические оклады и отменены различия степеней академического звания (ординарного, экстраординарного академиков и адъюнкта).

В период с 1895 по 1899 гг. расширился *итат* академических музеев. Академия наук постоянно получала и крупные единовременные и специальные

²¹ Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 22.05.1903 г. // СПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 24.

²² Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 1.10.1904 г. // СПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 84–87.

²³ Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 12.06.1907 г. // Там же. Д. 29. Л. 45 об.

ассигнования на ученые предприятия и издания. За 1890 – начало 1900-х гг. эти ассигнования составили более чем миллион рублей. Благодаря ходатайствам Константина Константиновича специальные средства были отпущены на проведение Шпицбергенской и Полярной экспедиций, издание журнала «Византийский временник», учреждение Пушкинского фонда. К специальным средствам относились и ассигнования на переоборудование нового помещения и внутреннее устройство Зоологического музея, создание Постоянной центральной сейсмической комиссии и организацию фонда нуждающимся ученым и литераторам.

Уделяя должное внимание частным вопросам академической жизни, Константин Константинович свое главное предназначение как президента Академии наук видел в том, чтобы поднять ее престиж в глазах общества, «снискать для Академии доверие и уважение публики»²⁴. Завоевать расположение публики к Академии наук Константин Константинович надеялся в первую очередь широким привлечением в нее талантливых русских ученых. Когда он возглавил Академию, ее состав более чем на 2/3 был иностранным (главным образом — немцы), хотя пополнение состава академиков русскими учеными, даже несмотря на скандальное забаллотирование таких выдающихся ученых, как И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, В. О. Ковалевский, было новой существенной чертой академического уклада последней четверти XIX в. Более отчетливо славянские черты в облике Академии наук стали проступать начиная с 1882 г., когда в отношении низшей степени академического звания — адъюнктуры — была установлена законом обязательность замещения академических вакансий русскими учеными. В 1886 г. в Академию были избраны химик Н. Н. Бекетов, китаист В. П. Васильев, геолог А. П. Карпинский, математик А. А. Марков, в 1887 г. историк Н. Ф. Дубровин. Под действие этого постановления попал в 1888 г. и филолог-классик П. В. Никитин. Выборы в Академию наук все еще проходили под знаком борьбы так называемых немецкой и русской партий. Впрочем, в конце XIX в. деление на русскую и немецкую партии в Академии наук было довольно условным и объяснялось объективными сложностями определения критериев выбора кандидатов, достойных занять академическое кресло.

Приход в Академию наук вел. кн. Константина Константиновича лишь ускориł естественный процесс ее «обрусения». Во время выборов в академики и адъюнкты он отдавал свой голос в пользу русского ученого даже в тех случаях, когда его иноземный конкурент был более известен своими работами, так как, по его признанию, «немец менее желателен в видах обрусения Академии»²⁵. За первое десятилетие президентства Константина Константиновича состав действительных членов Академии значительно изменился и академические списки запестрели русскими именами. В 1890 г. при его ближайшем участии избраны сразу 8 академиков: византинист В. Г. Васильевский, историк К. Н. Бестужев-Рюмин, астроном Ф. А. Бредихин, биолог А. О. Ковалевский, историк литературы Н. С. Тихонравов, языковед Н. А. Лавровский, экономист

²⁴ Дневник вел. кн. Константина Константиновича // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 154. Запись 22.12.1889.

²⁵ Там же. Д. 38. Л. 13 об. Запись 17.08. 1891.

Н. Х. Бунге и зоолог Ф. Э. Плеске (экстраординарным академиком). Всего же с 1889 г. по 1900 г. на место выбывших академиков приняли 19 новых членов²⁶.

Константин Константинович был очень настойчив в своем русофильстве и с большим азартом боролся за своих кандидатов. Так, например, во время обсуждения в 1890 г. кандидатуры директора Пулковской обсерватории Константин Константинович встретил жесткое сопротивление со стороны «немецкой партии» во главе с непременным секретарем К. С. Веселовским. Президент хотел видеть на этом месте русского астрофизика Ф. А. Бредихина, а его противник прочил туда шведа О. А. Баклунда. За поддержкой президент обратился к членам Отделения русского языка и словесности, хотя этот вопрос для них и был посторонним. По словам президента, ему «хотелось знать мнение этих русских людей, и вместе с тем людей науки, хоть не астрономов и не математиков. Они согласились со мною, что нельзя допускать иностранца Баклунда со всеми его качествами до Пулкова»²⁷.

Более того, президент заручился согласием Николая II назначить на эту должность только русского ученого и прямо предупредил Баклунда, что он не будет утвержден даже в случае своего избрания. Баклунд заблаговременно отказался баллотироваться, а Бредихин долго не соглашался занять должность директора в Пулкове, ссылаясь на возраст и расстроенное здоровье, и уступил лишь тогда, когда президент сообщил ему о воле государя. Впрочем, в 1904 г., после смерти Бредихина, директором Пулковской обсерватории все-таки стал О. Баклунд.

На рубеже веков в Академии окончательно восторжествовала «русская партия», и «немцы» имели уже мало шансов попасть в Академию. Например, в 1900 г. Общее собрание забаллотировало В. Э. Регеля, основоположника журнала «Византийский временник» и усердного помощника Академии в издании бумаг Порфирия Успенского. На сетования Регеля ему объяснили, что беда в том, что его фамилия Регель, а не Линеikin (Regel по-немецки «линейка») ²⁸. «Немцы» в ответ обижались на академические порядки и обвиняли Академию в кумовстве и нетерпимости ²⁹.

²⁶ С 1889 г. по 1900 г. умерли президент Академии Д. А. Толстой (1823–1889), академики В. Я. Буныковский (1804–1889), В. П. Безобразов (1829–1889), К. И. Максимович (1827–1891), В. Г. Имшенецкий (1832–1892), А. К. Наук (1822–1892), Я. К. Грот (1812–1893), А. А. Штраух (1832–1893), Л. И. Шренк (1826–1894), А. Ф. Миддендорф (1815–1894), П. Л. Чебышев (1821–1894), Н. Х. Бунге (1823–1895), К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897), Ф. И. Буслаев (1818–1897), П. В. Еремеев (1830–1899), А. А. Куник (1814–1899), А. Ф. Бычков (1818–1899), В. Г. Васильевский (1838–1899), Н. А. Лавровский (1825–1899), Л. Н. Майков (1838–1900), В. П. Васильев (1818–1900). О. Н. Бетлингк в 1868 г. переселился за границу, и хотя его связи с Академией никогда не прерывались, но в 1894 г. ей пришлось примириться с его переходом из действительных членов в почетные. В 1895 г. директор Главной физической обсерватории академик Г. И. Вильд вышел в отставку и уехал в Цюрих. Академия, желая отметить его заслуги, избрала его своим почетным членом.

²⁷ Дневник вел. кн. Константина Константиновича // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 119 об. Запись 7.11.1889.

²⁸ *Медведев И. П.* В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Ред. И. П. Медведев. СПб., 1995. С. 157–180.

²⁹ За прямолинейность своих взглядов на чистоту русской науки вел. кн. Константин Константинович был даже поставлен некоторыми исследователями в один ряд с В.М.Пуришкеви-

За два года до начала Первой мировой войны, в 1912 г., С. Ф. Ольденбург поздравил вел. кн. Константина Константиновича с тем, что за 23 года его президентства «Академия стала Русской Академией, и самые злые ее недоброжелатели этого не решаются отрицать»³⁰. Однако осенью 1914 г. страну захлестнула волна германофобии, и на Академию наук обрушился шквал обвинений. «Злые недоброжелатели» ставили в упрек Академии обилие немецких имен в списках почетных членов и членов-корреспондентов (свыше 25 процентов), обвиняли «василеостровский Ватикан» в атрофии патриотических чувств и гражданственности и даже попрекали академиков в том, что ночной колпак Моммзена вызывает у них больше нежности и трогательных воспоминаний, чем шапка Мономаха³¹.

Антинемецкую волну подстегнуло одиозное обращение 93 немецких ученых «К культурному миру!», которое защищало разбойничье нападение Германии на Бельгию и содержало несправедливые обвинения против России и русской науки³². Среди подписавших были имена 9 почетных членов и членов-корреспондентов Российской академии наук. Шовинизм в России подогревался и принятым 31 октября 1914 г. решением Совета министров «Об исключении неприятельских подданных (кроме лиц славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецких подданных христианских вероисповеданий) из состава всякого рода союзов, обществ, ученых, просветительных и благотворительных учреждений, а также других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений». В течение продолжительного времени Академия наук пренебрегала этим постановлением, хотя под его действие попадали около 60 почетных членов и членов-корреспондентов.

Константин Константинович, помня об обязанности президента быть на страже чести и блага Академии, предупреждал Конференцию о том, что отказ от исполнения постановления Совета министров мог «повлечь за собой крупные неприятности вплоть до изъявления Высочайшего неудовольствия»³³. Академия оказалась в затруднительном положении. Решающую роль в спасении ее достоинства сыграл вице-президент П. В. Никитин, которому хватило мужества и сил доказать и президенту Академии наук, и министру народного просвещения гр. П. Н. Игнатьеву, что «нельзя требовать, чтобы

чем, «столь же рьяно борющимся за чистоту русской нации». См. *Романовский С. И.* «Обрусение» российской науки как национальная проблема // ВИЕТ. 1999. N 3. С. 56. Как показали события Первой мировой войны, это обидное сравнение было в высшей степени несправедливо (см. ниже).

³⁰ Письмо С. Ф. Ольденбурга Константину Константиновичу от 16.10.1912 г. // СПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 79об.–80.

³¹ Академия наук и немцы // Новое время. 1.11.1914; Наука и гражданственность // Новое время. 19.01.1915; Маленький фельетон. *Testimonium pauperitatis* // Новое время. 17.04.1915; Еще о германской «приспособляемости» // Вечернее время. 10 октября 1914 г.

³² *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 196–235.

³³ Письмо Константина Константиновича П. В. Никитину от 20.01.1915 г. // СПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.

все учреждения выражали свои патриотические чувства одним и тем же способом»³⁴, и что способ, предложенный Советом министров, для Академии наук совершенно неприемлем.

Именно в это время ученые Академии наук принимали самое активное участие в решении задач, связанных с укреплением обороноспособности страны: по предложению В. И. Вернадского создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС)³⁵, по предложению Д. Н. Анучина — Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС); организованы Полярная комиссия и комиссия «Наука в России». Важное значение имела деятельность Академии наук по охране научных ценностей в районах военных действий.

В июле 1914 г. в Большом конференц-зале Академии наук на отчисления сотрудников был устроен лазарет для раненых и больных воинов. Президент Академии Константин Константинович принял лазарет под свое покровительство и отчислял на его нужды все свое содержание. П. В. Никитин был избран председателем комитета лазарета и счел своим долгом нести дежурства наравне с прочими членами комитета и со свойственной ему аккуратностью исполнял эту обязанность.

Несмотря на то что Академия наук делала много полезного для страны, правительство продолжало настаивать на выполнении своего постановления. Под давлением обстоятельств группа академиков взялась за составление «Записки» с изложением причин, препятствующих Академии наук исполнить правительственное постановление. В этой работе самое активное участие приняли А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Марков и П. В. Никитин. В основу своего решения Общее собрание положило высказанные Никитиным мысли о нравственных обязательствах Академии перед своими иностранными членами и об опасности смешения науки с политикой. Экстраординарное Общее собрание, состоявшееся 14 марта 1915 г., отклонило огульное исключение из списков Академии «неприятельских» подданных как «затруднительное или в точности даже неисполнимое и неудобное по своим последствиям». Вместе с тем признавалось, что подписавшие воззвание «К культурному миру» сами себя поставили вне возможности общения с русским высшим учебным учреждением³⁶. 16 марта 1915 г. о решении Общего собрания П. В. Никитин доложил министру народного просвещения П. Н. Игнатьеву, которое было «довольно благодушно им принято»³⁷.

2 июня 1915 г. умер Константин Константинович, не пережив гибели на войне своего любимого сына Олега, и Академия наук оказалась совершенно беззащитной перед лицом правительства. Под его нажимом 6 февраля 1916 г. Общее собрание вновь вернулось к вопросу об исключении из числа

³⁴ Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 19.01.1915 г. // СПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 53–53 об.

³⁵ *Кольцов А. В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930. СПб., 1999.

³⁶ Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук. СПб., 1915. Экстраординарное Общее собрание. 14. 03.1915. § 64.

³⁷ СПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 16 об.

почетных членов и членов-корреспондентов Академии подданных воюющих с Россией держав. П. В. Никитин и на этот раз проявил дипломатическую и филологическую изобретательность, позволившую Академии наук более или менее достойно выйти из сложной ситуации, в которую ее поставили требования военного времени. После прений была принята новая редакция старого решения: «Императорская Академия наук постановляет исключить из числа почетных членов и членов-корреспондентов Академии подданных воюющих с Россией держав, предоставляя себе по окончании войны иметь суждение о возможности восстановления исключаемых в указанных почетных академических званиях»³⁸.

Хотя в этом постановлении сказано об исключении, в нем не были названы имена тех, кто подлежал этому исключению. Ю. А. Виноградов привел составленный им «список германских ученых для исключения по этому решению»³⁹ и таким образом своей волей довел дело об исключении до логического конца. Лукавство же решения академиков в том и состояло, что анонимное исключение не могло считаться правомерным, хотя формально оно и отвечало требованиям постановления Совета министров. На деле же это была новая редакция старого решения Общего собрания от 14 марта 1915 г., которая вовсе не отменяла его, а подтверждала, только в иной форме, что Академия наук прерывает отношения с некоторыми своими почетными членами и членами-корреспондентами вплоть до окончания войны (но не «исключает» их, хотя это слово и присутствует в резолюции). Такое решение успокоило общественное мнение и удовлетворило правительство, позволив Академии не рассылать своим почетным членам и членам-корреспондентам оскорбительные для них и позорные для нее бумаги с извещением об исключении. Императорская Академия наук, проявив терпимость к выражению «сознательной или бессознательной недобросовестности шовинизма немецких ученых»⁴⁰, продемонстрировала стране и миру приоритет сверхнациональных ценностей в науке.

* * *

Константин Константинович видел путь к обновлению и оживлению деятельности Императорской Академии наук в сближении ее с жизнью общества. В 1899 г. — год столетнего юбилея А. С. Пушкина — как будто бы появилась реальная возможность сблизить ученых с русским художественным миром. Благодаря стараниям вел. кн. Константина Константиновича 29 апреля 1899 г. вышел указ о создании в составе ОРЯС Разряда изящной словесности⁴¹. В Отделении русского языка и словесности учреждались 6 новых ка-

³⁸ Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук. СПб., 1916. Общее собрание № 2. 6.02.1916. § 43.

³⁹ Виноградов Ю. А. Германские ученые члены Императорской Академии наук и Первая мировая война // Петербургская академия наук в истории академий мира. Материалы Международной конференции. СПб., 1999. Т. III. С. 47–49.

⁴⁰ СПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 309. Л. 55.

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. III. СПб., 1902. Т. XIX. С. 375–376.

федр ординарных академиков, которые наравне с учеными могли занять писатели и художники. Учреждением нового разряда Константин Константинович мечтал возродить Российскую академию, членом которой был А. С. Пушкин. Вместе с тем он лелеял надежду, что тесное общение представителей литературы с учеными-исследователями языка и словесности оживит отечественную литературу и науку.

Однако это нововведение не вызвало одобрения в академической среде. Члены ОРЯС настаивали на том, что в Академии академик — хозяин, писатель — гость. Они предложили выделить вновь избираемых литераторов в особую группу и дать им звание почетных академиков. Эти пожелания академиков учтены в дополнительном правительственном указе от 23 декабря 1899 г., согласно которому к ОРЯС был присоединен в одно нераздельное целое — Разряд изящной словесности, куда входили: 1) избираемые в действительные члены Академии писатели-художники и ученые-исследователи в области языка и словесности и 2) почетные академики и корреспонденты Отделения по Разряду изящной словесности⁴². В почетные члены избираются писатели-художники и литературные критики. По поводу этих поправок А. П. Чехов писал А. С. Суворину: «Насчет академиков Вы недостаточно осведомлены. Действительных академиков из писателей не будет. Писателей-художников будут делать почетными академиками, архиакадемиками, но просто академиками никогда или не скоро. Они никогда не введут в свой ковчег людей, которых они не знают и которым не верят. Скажите, для чего нужно было придумывать звание почетного академика»⁴³. В течение 1900 г. ОРЯС умножило свой состав несколькими заслуженными представителями русской филологии, славяноведения и истории искусства: новые вакансии заняли И. Н. Жданов, В. И. Ламанский, Ф. Е. Корш и Н. П. Кондаков.

Развивая постановление о почетных академиках, Отделение сначала установило квоту выборов в 12 человек. Первые выборы состоялись 8 января 1900 г. Почетными академиками избраны — К. Р., Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, А. А. Потехин, А. М. Жемчужников, гр. А. А. Голенищев-Кутузов, философ В. С. Соловьев. Следующие выборы прошли 1 декабря 1900 г.: избраны публицист и критик К. К. Арсеньев, писатель Н. Д. Боборыкин, критик-искусствовед В. В. Стасов, этнограф С. В. Максимов (умер в 1901 г.).

Потребовались новые выборы — 25 февраля 1902 г. Их результаты ошеломили присутствующих: требующееся по уставу большинство (2/3 голосов) получили только А. В. Сухово-Кобылин и А. М. Горький. Смущенный такими результатами, Константин Константинович записал в своем дневнике: «Странное впечатление производят последние выборы в почетные академики. Во всяком случае намеченная цель не достигнута: мы хотели увеличить их число до 15, избрав главным образом лиц, проживающих в Петербурге, так как из теперешнего состава никогда не бывает налицо: гр. Лев Толстой и Че-

⁴² ПСЗ. Собр. III. Т. XIX. С. 1247–1248.

⁴³ Письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 23.01.1900 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. М., 1980. С. 23–24.

хов, и Короленко, и Жемчужников по большей части отсутствуют. Цель не достигнута, потому что Сухово-Кобылин (83-летний старец, автор «Свадьбы Кречинского») зиму проводит за границей, а Максим Горький теперь живет в Крыму и за сочувствие прошлогодним студенческим волнениям лишен права въезда в Петербург. Горький пользуется большим успехом, книги его расходятся десятками тысяч, но несомненно, что как ни значительно его дарование, он не заслуживает такой преувеличенной славы. Самому же ему избрание принесет только вред, еще больше вскружив голову молодому писателю»⁴⁴. Результаты выборов согласно правилам были опубликованы в «Правительственном вестнике».

Вскоре обнаружилось, что Горький состоял под гласным надзором полиции по обвинению в государственном преступлении. Николай II был возмущен избранием Горького и отменил его. Константину Константиновичу удалось убедить императора взять назад свое решение, чтобы уберечь его от нежелательной критики. Но избрание Горького тем не менее было отменено на основе закона о состоящих под следствием.

Константин Константинович принял весь огонь критики на себя, поместив в «Правительственном вестнике» объявление о кассации выборов от имени Академии наук. Он не уставал сокрушаться по поводу своей оплошности: «Признаюсь, — записал он в своем дневнике 8 марта, — что я трушу и кругом виню себя: мне следовало предупредить неприятность или по крайней мере задержать объявление об избрании Горького. Но в свое оправдание скажу, что мне не было известно о нахождении Горького под следствием, а, кроме того, избрания в члены Разряда изящной словесности не подлежат ничьему утверждению, следовательно, не было причины задерживать объявление об избрании»⁴⁵. После этого инцидента Разряд изящной словесности лишился права на свободное избрание в почетные академики. Два почетных академика — А. П. Чехов и В. Г. Короленко — в виде протеста покинули Академию.

Попытка сближения академической науки с русской литературой закончилась полным провалом. Академия наук едва не встала на зыбкую почву политического учреждения, которое оглядывается на внешние обстоятельства и принимает их во внимание. Этот инцидент имел глубокие последствия и для внутренней жизни Академии. Авторитет президента сильно пошатнулся. В Академии ходили упорные слухи, что он серьезно болен, так как нигде не показывается. Действительно, более двух месяцев он страдал нервным расстройством, объяснявшимся сильным переутомлением.

* * *

Обновление состава Императорской Академии наук и привлечение в нее большого числа русских ученых привело к тому, что в начале XX в. на смену русской и немецкой партиям пришли лояльно-правительственная и либераль-

⁴⁴ Дневник вел. кн. Константина Константиновича // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 49. Л. 152 об.-153. Запись 27.02.1902.

⁴⁵ Там же. Д. 50. Л. 7. Запись 8.03.1902.

но-оппозиционная группировки. Академия наук в ее прежнем иностранном составе была известна своей лояльностью к государственному режиму. Теперь же четкой правительственной ориентации придерживались только академики, занимавшие высокие государственные посты: Н. Я. Сонин, В. В. Латышев, Б. Б. Голицын, А. И. Соболевский. Академики молодого поколения — А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург и А. А. Шахматов — вместе со старыми академическими либералами А. С. Фаминцыным и А. Н. Веселовским составили группу, где развивались новые взгляды на происходившие события в стране и в развитии самой Академии наук. Большая же часть академиков держала себя нейтрально и осторожно, относясь сочувственно к общественному движению.

12 декабря 1904 г. был опубликован правительственный указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», пункт 8 которого гласил: «устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы»⁴⁶. Комитет министров рассчитывал привлечь Академию наук к осуществлению этого указа и обратился к ней за содействием в просмотре книг, предназначенных цензурой к запрещению. Мысль об участии Академии в цензурных делах обсуждалась в самой Академии в 1902 г. на заседаниях ОРЯС и Разряда изящной словесности. Участвуя в заседаниях Комитета министров, Константин Константинович напомнил об этом, и благодаря его обмолвке, появилось это поручение.

Академия наук в двукратных постановлениях Конференции категорически отказалась от этих цензурных обязанностей⁴⁷ и заявила, что она «не согласится на роль эксперта в политическом суде над книгой и всегда, во всех без исключения случаях, будет отстаивать право книги на существование»⁴⁸. Решения Общего собрания направлял в Комитет министров Константин Константинович, и после вторичного отказа Комитет министров оставил Академию наук в покое, а закон без исполнения. Именно к этому времени относится характеристика вел. кн. Константина Константиновича, данная С. Ю. Витте: «человек благородный, образованный, с традициями своего отца великого князя Константина Николаевича, не глупый, но и не орел»⁴⁹.

Поручение правительства, спровоцированное вел. кн. Константином Константиновичем, поступило в Академию наук именно в то время, когда в обществе усилилось движение либеральных сил, вылившееся в настоящий «бунт просветительных обществ». В Петербурге было создано объединение профессоров и преподавателей высших учебных заведений под названием «Академический союз»⁵⁰. В качестве объединительной платформы была под-

⁴⁶ ПСЗ. Собр. III. СПб., 1906. Т. XXIV. № 25495.

⁴⁷ Протоколы заседаний Общего собрания Императорской академии наук. СПб., 1905. № VII. 7.05.1905. § 134; № VIII. 11.05.1905. § 158.

⁴⁸ Там же. № II. 5.02.1905. 2-е приложение. Записка академика Ф. Ф. Фортунатова.

⁴⁹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 356.

⁵⁰ Колчинский Э. И., Кольцов А. В. Российская наука и революционные кризисы в начале XX века // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003. С. 291–334.

готовлена записка-декларация о современном положении просвещения в России. Академики А. С. Фаминцын, А. Н. Веселовский и А. А. Шахматов в числе первых поставили под ней свои подписи.

В середине января 1905 г. слухи об этой акции дошли до президента Академии наук и вызвали его серьезное беспокойство. Великий князь старался доказать академикам, «что теперь, когда правительство впервые имело в виду обращаться к содействию Академии, им не следует компрометировать ее»⁵¹, и пытался убедить их снять свои подписи. Однако никто этого не сделал.

«Записка о нуждах просвещения в России», широко известная под названием «Записка 342 ученых», была опубликована 20 января 1905 г. в газете «Наша жизнь» (27 января она перепечатана в газете «Русь»). Под этим документом стояли подписи 16 академиков, которые составляли около половины действительных членов Академии наук (Ф. Ф. Бейльштейн, Н. Н. Бекетов, И. П. Бородин, А. Н. Веселовский, К. Г. Залеман, В. В. Заленский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. М. Ляпунов, А. А. Марков, Ф. В. Овсянников, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, А. С. Фаминцын, Ф. Н. Чернышев, А. А. Шахматов, И. И. Янжул). Впоследствии к «Записке» свою подпись присоединил и академик В. О. Ключевский⁵².

Вел. кн. Константин Константинович настолько был раздосадован появлением подписей академиков под этим документом, который назвал в своем дневнике «глупой и противозаконной запиской»⁵³, что не присутствовал на заседаниях 4 и 5 февраля, где проходили выборы П. И. Вейнберга в почетные академики и А. С. Лаппо-Данилевского в обычные академики. Свое демонстративное отсутствие он объяснял тем, что «и Вейнберг, и Лаппо-Данилевский — оба подписали записку 342 ученых, и я не хочу участвовать в избрании, которого они, по-моему, не достойны»⁵⁴.

Более того, президент составил ответ «провинившимся» академикам, который хотел опубликовать в газете от имени президента Императорской Академии наук и прочитать в Общем собрании, но вице-президент Никитин убедил его этого не делать⁵⁵. Свой ответ Константин Константинович переслал академикам в виде циркулярного письма. Самонадеянная попытка президента регламентировать гражданские выступления академиков вне стен Академии имела тяжелые последствия для Академии и поставила ее на грань кризиса. Президент встретил дружный отпор со стороны академиков, которые были оскорблены его высокомерными поучениями.

Президент отступил и 5 марта 1905 г. перед началом заседания Общего со-

⁵¹ Дневник вел. кн. Константина Константиновича // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 11 об.—12. Запись 14.01.1905.

⁵² Предтеченский А. В., Кольцов А. В. Из истории Академии наук в период революции 1905–1907 годов // Вестник Академии наук СССР. 1955. № 3. С. 82–85; Князев Г. А. Порицание академиком за участие в «Записке 342 ученых» // Там же. 1931. № 4. С. 14–22.

⁵³ Дневник вел. кн. Константина Константиновича // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 38 об.—42. Запись 30.01.1905.

⁵⁴ Там же. Л. 40 об.—42. Запись 4.02.1905.

⁵⁵ Там же. Л. 42.

брания выступил с примирительной речью, текст которой составил П. Е. Кепен. Слова Президента произвели на академиков впечатление: они все встали и поклонились⁵⁶. Инцидент был исчерпан, но с тех пор президент передал ведение всех академических дел вице-президенту. П. В. Никитин не участвовал в этой «ученой забастовке», но претензии президента к участникам демонстрации «342» считал ошибочными, потому что, по его словам, «Академия, как Академия, не может иметь политических мнений, но их могут иметь ее члены, не как академики, а как граждане»⁵⁷.

П. В. Никитин на посту вице-президента более всего дорожил сохранением общего строя и основных черт академической жизни. Он опасался вторжения политики в академические прения, так как оно, по его мнению, могло разрушить ее основы. Никитин был убежден в том, что всегда, даже в самое тревожное время, компетенция Академии ограничивается только чистой, отвлеченной, наукой, и она не имеет ни права, ни способности решать, что по условиям данного политического момента нужно и что вредно. По его глубокому убеждению, «от Академии нельзя требовать решения вопросов практической жизни и политики, и она не должна ими заниматься, в них она не более компетентна, чем любое случайное собрание трех-четырех десятков граждан: в Академию выбирают не за политическую мудрость, а за ученые работы, по большей части ничего общего с политикой не имеющие»⁵⁸. Провозглашение аполитичности в течение длительного времени помогало сохранить Академии свою независимость.

Вместе с тем Никитин считал безосновательным признавать политическое благоразумие обязательной принадлежностью академика и не раз отстаивал право членов Академии наук наравне с другими гражданами участвовать в общественной жизни страны. Вице-президент находил довольно естественным, «что в периоды бурного политического движения именно люди, привыкшие к решению отвлеченных научных вопросов, обнаруживают склонность к таким политическим теориям, которыми вопросы народной жизни решаются, по-видимому, с той же прямолинейной простотой и с той же радикальной последовательностью, какие высоко ценятся в теориях научных. Можно радоваться, что в составе нашей Академии эта склонность сколько-нибудь резко проявилась в действиях одного лица»⁵⁹. Этим лицом был беспокойный ординарный академик А. А. Марков, который своими неординарными выходками доставлял Академии и ее вице-президенту немало хлопот. В 1907 г. большой общественный резонанс получило, например, публичное выступление А. А. Маркова, подстрекавшее к беспорядкам студентов Военно-медицинской академии. Студенты потребовали удаления из Академии членов «Союза русского народа». «Союзники» в письме на имя вице-президента, не стесняясь в выражениях, требовали изгнания А. А. Маркова из Академии наук. П. В. Ни-

⁵⁶ Дневник вел. кн. Константина Константиновича // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 68. Запись 5.03.1905.

⁵⁷ Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 2.11.1907 г. // СПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 73–73 об.

⁵⁸ Там же. Л. 73–74.

⁵⁹ Там же. Л. 73 об.–74.

китин неколебимо стоял на том, что «прискорбное вмешательство академика Маркова в дела Военно-медицинской академии, составляя личное его деяние, не может быть толкуемо в ущерб достоинству Императорской Академии наук»⁶⁰.

П. В. Никитин делал все возможное, чтобы оградить Академию от давления извне. Он отклонял исходившие от правительства поползновения впутывать политику в академические отношения. В 1908 г. Министерство внутренних дел запросило вице-президента о членах враждебных политических партий в Академии. «Войдя в состав той или другой противоправительственной политической партии, разъяснялось в циркуляре, они утратили право оставаться на государственной службе, т.е. быть агентами того самого Правительства, противниками которого стали, а следовательно должны быть уволены, даже помимо их на то согласия»⁶¹.

Вице-президент решительно уклонился от приглашения к доносительству и не назвал ни одного имени академика, принадлежащего к какой бы то ни было партии, кроме своего собственного: о себе он сообщил, что принадлежит к организации «Союз 17 октября». Создание прецедента увольнения с академической службы за принадлежность к какой-нибудь партии могло привести, по мнению Никитина, к разрушительным для Академии наук последствиям, когда «пришлось бы замещение вакансий академиком ставить в зависимость от политической окраски или политической покладистости кандидатов»⁶². П. В. Никитин, отстаивая право академиком на инакомыслие, писал: «Люди науки редко оказываются искусными политическими борцами, но склонны иногда бывают дорожить неприкосновенностью не только научных, но и политических своих убеждений. То беспокойство, какое способен причинить правительству хотя бы и очень крупный ученый своей принадлежностью к какой-нибудь организации, не может идти ни в какое сравнение с тем ущербом, какой потерпели бы и дело науки, да, думаю, и престиж правительства, если бы способные и добросовестные ученые стали подвергаться удалению из Академии не за какое-нибудь преступление, а единственно за откровенность и стойкость своих убеждений»⁶³.

* * *

Президент Академии наук вел. кн. Константин Константинович и ее вице-президент П.В.Никитин одинаково верили в право русской науки на самостоятельное существование, но по-разному представляли себе место Академии наук в общественной жизни России.

По стечению обстоятельств Константин Константинович был дважды избран почетным академиком: в 1887 г. этого высокого звания он удостоен по представлению ОРЯС как великий князь Константин Константинович, а

⁶⁰ Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу 23–24 марта 1907 г. // Там же. Л. 22.

⁶¹ Письмо от 27.06.1908 // СПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 295. Л. 3 об.–4.

⁶² Там же. Л. 6 об.

⁶³ Там же. Л. 6 об.

в 1900 г. Разряд изящной словесности избрал его как поэта К.Р. Двойственность положения августейшего поэта наложила отпечаток и на характер его деятельности на посту президента Академии наук. Великий князь был полезен Академии наук тем, что мог позаботиться и действительно заботился об укреплении ее материального положения и использовал свои связи в высших правительственных кругах на благо Академии. В тех случаях, когда он проявлял «идеологическую» самостоятельность, например, искал близости с миром литературы, никогда не отличавшимся благонадежностью, или последовательно занимался «обрусением» Академии наук, он терпел неудачи, что наносило урон Академии. Когда же вел. кн. Константин Константинович считал себя вправе навязывать академикам сотрудничество с правительством или одергивал их за политическую активность за пределами Академии, он получал справедливый отпор со стороны академического сообщества. Одним словом, в период политического и общественного затишья кураторство императорского дома служило процветанию Академии наук.

В период общественных потрясений, который наступил в стране в 1900-е гг., куда более плодотворными оказались иные ценности и ориентиры, а именно последовательное соблюдение принципа невмешательства Академии наук в политику при полной свободе политической и общественной деятельности ее членов как частных лиц. Именно провозглашенный вице-президентом П. В. Никитиным принцип аполитичности Академии наук обеспечил ей независимость и относительную устойчивость в тревожное время обновления страны.